

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

АРХАИЧЕСКОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ ИСКУССТВО: ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

**Материалы Всероссийской
(с международным участием) научной конференции
(г. Новосибирск, 12–14 ноября 2014 г.)**

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2014

УДК 7.031+903.27
ББК Щ123(2)0-17
А870

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института археологии и этнографии СО РАН

*Издание осуществлено при поддержке Российского научного фонда
(проект № 14-28-00045).*

Статьи публикуются в авторской редакции

А870 **Архаическое** и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – 236 с.

ISBN 978-5-7803-0243-8

В сборнике представлены статьи археологов, этнографов и искусствоведов, посвященные различным аспектам изучения, сохранения, реставрации и музеефикации объектов архаического и традиционного искусства. Рассматриваются вопросы стилистики, хронологии и семантики плоских, рельефных и объемных изображений от эпохи палеолита до этнографической современности, изготовление и орнаментация различных изделий в традиционных культурах. Обсуждаются проблемы развития современного изобразительного искусства, опирающегося на стилистику памятников древнейших культур.

Материалы данного издания адресуются специалистам, работающим в научных, музейных и образовательных учреждениях, студентам и всем, кого интересует древнее и традиционное искусство.

УДК 7.031+903.27
ББК Щ123(2)0-17

ISBN 978-5-7803-0243-8

© Коллектив авторов, 2014
© ИАЭТ СО РАН, 2014

Е.Г. Дэвлет

Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ТРАНСОКЕАНСКИЕ АНАЛОГИИ АНТРОПОМОРФНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЯМ СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА*

В отечественных исследованиях наскальных изображений неоднократно затрагивалась тема трансокеанских аналогий петроглифам и роспи-

сям Сибири и Дальнего Востока, в особенности личинам Сикачи-Аляна, а также антропоморфным фигурам с грибообразным завершением, известным в петроглифах Чукотки, Алтая, Тувы и пр. [Окладников, 1971; Окладникова, 1979]. Эта тема связана с ключевыми проблемами в изучении первобытного искусства – независимого возникновения сходных сюжетов и стилистических решений, проявлений конвергентного сходства; со сложными вопросами – о путях и векторах миграций, о механизмах трансляции идей, о смене традиций и сложении канона. К сожалению, зачастую эта тема разрабатывается на весьма ограниченном материале, не позволяющем составить достоверное представление о важнейших страницах истории искусства.

Среди антропоморфных образов Пегтымеля наиболее своеобразный мотив – фигуры в грибообразных головных уборах (или с ярусными прическами), представленные анфас, хотя есть и одно уникальное профильное изображение (рис. 1). В большинстве случаев фигуры человекоподобных мухоморов представлены в группах, но есть и одиночные (рис. 1, слева внизу). Поскольку это одиночное изображение антропоморфной фигуры глубоко прорезано, тщательно выполнено и располагается на широкой вертикальной патинизированной поверхности, то отсутствие сопутствующих мотивов представляется неслучайным.

В прочих случаях в наскальном искусстве Пегтымеля мифологическим мухоморам могут сопутствовать изображения антропоморфных пер-

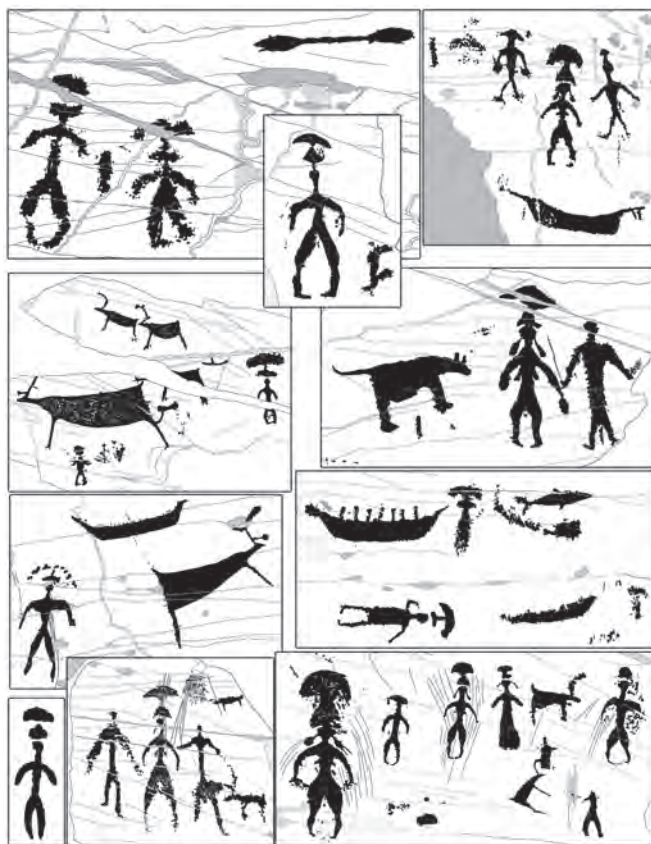

Рис. 1. Изображения мифологических человеко-мухоморов. Петроглифы Пегтымеля, фрагменты плоскостей.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00453а.

сонажей без расширяющегося завершения, знаки (окружности, следы и их цепочки, раскрытая ладонь с предплечьем), изображения северных оленей и сцен охоты на них с каяка, двухлопастных весел, байдар, а также фигуры других копытных (в т.ч. парциальные и неоконченные), волков/собак, медведей (?), китов и прочих обитателей моря. Большинство изображений антропоморфных персонажей в грибовидных головных уборах тщательно детализированы, но выявлены также парциальные или, возможно, незавершенные изображения; один подобный антропоморф помещен горизонтально [Дэвлет Е.Г., Миклашевич, Мухарева, 2009; Devlet, 2008, 2012; Дэвлет Е.Г., 2014а, б].

Многие человечки представлены в позе, напоминающей танец или движение. Гриб находится над головой или на голове антропоморфной фигуры, иногда заменяет голову, в некоторых случаях «шляпки» показаны ярусами, головные уборы-прически (?) могут иметь разные детали. Ноги персонажей бывают обозначены ступнями вовнутрь, в некоторых вариантах их заменяет как бы расширяющаяся книзу ножка. Судя по деталям изображенных фигур, большинство из них женские. По обеим сторонам головы наиболее нарядных персонажей проработаны косы или подвески, некоторые одеты в меховые комбинезоны-керкеры с широкими штанами (рис. 2), однако одежда может быть и вовсе не проработана.

Н.Н. Диков трактовал эти образы как изображения человекоподобных мухоморов, упоминаемых в мифологии чукчей и фольклоре ряда других северных народов. Идентификация подобных персонажей в искусстве петроглифов Северной Азии неоднократно обсуждалась [Диков, 1971; Питулько, 2002; Кирьяк, 2003; Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005; Дэвлет М.А., 2009, 2012]. Фигуры с грибовидным силуэтом над головой в искусстве Пеггымеля рассматривались в контексте чукотской традиции ритуального (и не только) употребления галлюциногенных грибов [Богораз-Тан, 1939; Симченко, 1993, с. 50–52]. Изображения мифических человеко-мухоморов интерпретировались как составляющая обрядовой жизни, получившей отражение в искусстве петроглифов, которые представляют собой своего рода каменные реплики мифов и ритуалов.

Н.Н. Диковым были проведены новаторские параллели между чукотскими антропоморфными изображениями и центральноамериканскими каменными фигуративными изображениями в форме

Рис. 2. Наиболее детализированное изображение антропоморфного гриба в петроглифах Пеггымеля. Фото автора.

гриба, ножка которого может иметь антропоморфные черты [1971]. Эта параллель получила развитие в работах по наскальному искусству Сибири и Центральной Азии, хотя и не всегда мнения относительно интерпретации этого сюжета были единодушными [Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005; Дэвлет М.А., 2012]. Тем не менее важно вернуться к анализу центральноамериканского материала, не ограничиваясь приведенным в публикации Н.Н. Дикова изображением каменного гриба из коллекции Музея этнографии в Берлине, который ныне включен в коллекцию музея Далема, Берлин. Скульптура, представленная в работе Н.Н. Дикова, происходит из частной коллекции и не имеет документированного контекста. В Гватемале известно несколько десятков каменных грибов. Это, как правило, изображения небольшого размера, высотой 20–40 см, выполненные в большинстве случаев из базальта. Подобный выбор материала характерен для доклассического периода, и каменные грибы относят преимущественно к его позднему этапу (400 г. до н.э. – 200 г. н.э.). Многие из них связаны с важнейшим в высокогорной области

Рис. 3. Каменные фигуративные изображения грибов (Музей Мирафлорес, Музей археологии и этнологии, Музей Пополь-Вух, Гватемала; музей Далема, Берлин). Фото автора.

Гватемалы городищем Каминалуью, но немало подобных изделий из камня выявлено и на других памятниках, тяготеющих к югу страны. Известны каменные грибы, но в меньшем количестве, и на территории Мексики. Проработка различна: некоторые экземпляры не имеют сложных деталей, другие декорированы орнаментом, большинство имеет ножку в форме зооморфного, орнитоморфного или антропоморфного существа (рис. 3). По традиции подобные фигуративные изображения связывают с существующей и по сей день практикой употребления галлюциногенных грибов.

Тем не менее нельзя игнорировать и другие аналогии «антропоморфным грибам» Чукотки, которые просматриваются в арктическом искусстве западного полушария. Одиночные сходные варианты проработки женской прически (менее вероятно – головного убора) происходят из традиции резьбы по кости культуры туле (у таких антропоморфных фигур почти всегда отсутствуют руки), реже встречаются в скульптуре культуры дорсет. Более обширный синонимичный материал происходит из традиции эскимосов-инулитов севера Канады и Гренландии (рис. 4, 5) [Mathiassen, 1934; Malaurie, 1955; Swinton, 1972; Kaalund, 1979]. Разнообразные варианты изображения традиционной женской прически представлены в резьбе эскимосов Гренландии (скульптура, маски), европейских изображениях эскимосских женщин, фотодокументах [Olearius, 1666. S. 9. Tab. 3; Hansen, Meldgaard, Nordqvist, 1991].

В описаниях, относящихся к XVII–XVIII вв., обращает на себя внимание отмеченное сходство мужского и женского костюмов, которые в дальнейшем, к XIX в., претерпели существенные трансформации в деталях. Однако изначально они различались размером капюшона, поскольку у женских вариантов он был длиннее из-за традиционной прически. Четыре пленных эскимоса изображены на полотне XVII в.: датская экспедиция Д. Дэннела, торговавшая с западным побережьем Гренландии по указу короля Фредерика III, в 1654 г. захватила в плен четырех инулитов. Все персонажи изображены в летней одежде, не исключено, что некоторые компоненты костюма были утрачены во время плавания. На пути в Данию корабль зашел в Берген, где, по-видимому, и был написан

Рис. 4. Скульптурные изображения женщин. Эскимосы Гренландии. 1–3 – по: [Mathiassen, 1934]; 4–7 – по: [Kaalund, 1979]

этот замечательный коллективный портрет (рис. 6, слева). На пути из Бергена в Копенгаген мужчина умер, женщины были отосланы к королевскому двору, который из-за эпидемии чумы помещался на юге Дании. Оттуда они отбыли в княжество Готторф, где и стали объектом описания Адама Олеария, посвятившего им целую главу в переиздании своего труда 1656 г. В числе прочих существенных деталей Олеарий описывает костюм, отмечая, что и мужчины, и женщины носят капюшон, но у мужчин он плотно прилегает к голове, в то время как в женской одежде он на фут выше из-за того, что женщины закрепляют пучки волос так, что они торчат вверх. Олеарий также приводит в книге гравюры, прототипом которых послужило упомянутое живописное полотно, но несколько изменены ракурс и местоположение персонажей (рис. 7). Поскольку описание Олеария несколько отличается от деталей изображения, высказывалось мнение, что он пытался на основании устного рассказа восполнить недостающие детали костюма.

Олеарий упоминает о намерении короля отослать выучивших язык и обращенных в христианство инулитов обратно в Гренландию, принадлежавшую и принадлежащую и по сей день Дании. Однако корабли в царствование Фредерика III больше не снаряжались, и женщины жили в Копенгагене до самой смерти, наступившей от сыпного тифа. Инулитов изобразил и королевский мастер Якоб Йенсен Нордмен, который, несколько пренебрегая достоверностью деталей мужских и женских костюмов, представил пленников в золотом и серебряном декоре бокалов и кружек.

Особого внимания заслуживает живописное полотно Матиаса Блюменталя, изобразившего женщину, известную под именем Мария, которая в 40-х гг. XVIII в. добровольно покинула Южную Гренландию с норвежским священником, в дальнейшем жила в Дании и

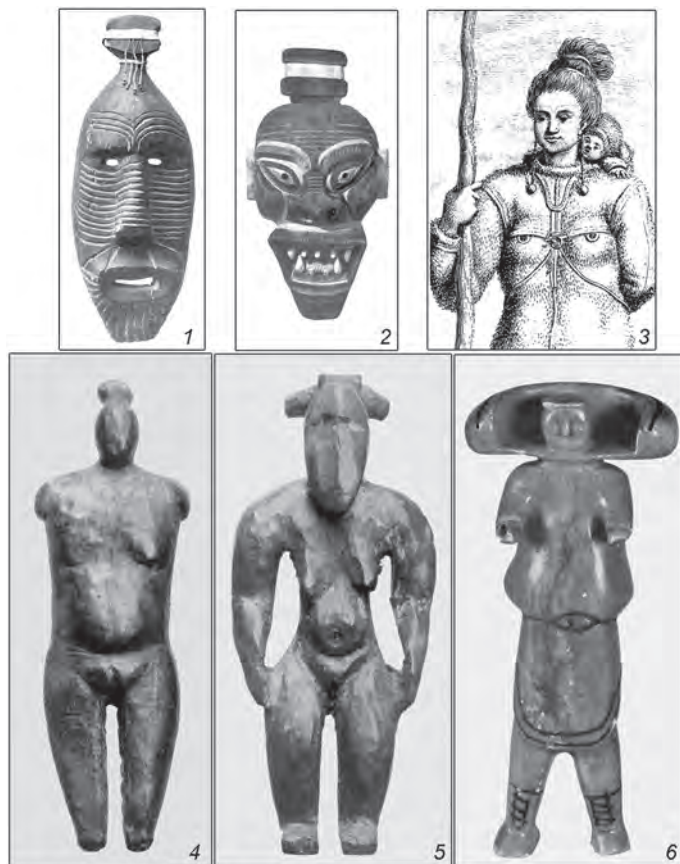

Рис. 5. Изображения женщин, эскимосы Гренландии. 1, 2 – сувенирные маски, XX в.; 3 – рисунок европейского художника, сделанный в Западной Гренландии, 1788 г.; 4 – скульптура культуры туле; 5 – скульптура культуры дорсет; 6 – фигуративное изображение женщины в одежде с капюшоном, XX в. (1, 3 – по: [Hansen, Meldgaard, Nordqvist, 1991]; 2, 4, 5 – по: [Kaalund, 1979]; 6 – по: [Swinton, 1972]).

Рис. 6. Живописные изображения инулитов (по: [Hansen, Meldgaard, Nordqvist, 1991]).

Рис. 7. Изображения эскимосов Гренландии
(по: [Олеарий, 1666]).

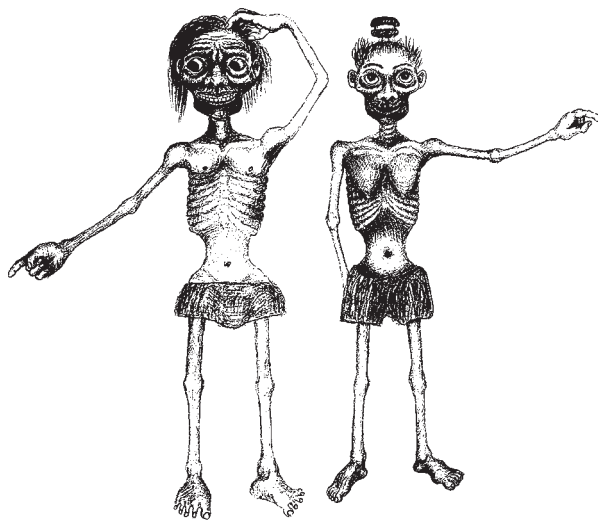

Рис. 8. Изображения злых духов
(по: [Hansen, Meldgaard, Nordqvist, 1991]).

Норвегии (см. рис. 6, справа). В 1746 г. в Копенгагене она стала ключевым информатором при составлении словаря языка гренландских эскимосов. Сохранилась лишь копия полотна 1747 г., относящаяся к 1753 г., на которой прекрасно переданы костюм, прическа и татуировка лица. Эти традиции описаны в европейских нарративных источниках, а также известны по данным археологии: аналогичные черты материальной и духовной культуры инулитов прослежены при исследовании мумифицированного захоронения шести женщин и двух детей в местечке *Qilakitsoq* на западном побережье Гренландии [Hansen, Meldgaard, Nordqvist, 1991]. Важные детали, которые ускользают от нас при исследовании петроглифов или предметов мелкой пластики, можно почерпнуть, глядя на портрет Марии. Характерная для инулитов женская прическа в виде стянутого на макушке пучка волос перехвачена красной лентой – свидетельством девственности. Цвет ленты служил маркером статуса: замужние женщины носили голубую, матери-одиночки – зеленую, а вдовы – черную ленту. Исследователями отмечается корректность деталей живописного портрета: татуировки, прически, особенностей костюма [Ibid.].

Все эти уникальные изобразительные произведения, иллюстрирующие особенности прически женщин эскимосов-инулитов и их костюма, дополненные изученными археологически важнейшими материалами мумифицированных погребений *Qilakitsoq*, относящихся к последней трети XV в., имеют продолжение в более поздних этнографических свидетельствах. Именно прическа как отличительный признак женских изображений встречается в разнообразных изобразительных материалах: например, карикатурный рисунок в 1920 г. был выполнен для К. Расмуссена жителем Восточной Гренландии, представившим лишенных плоти вредоносных духов, имеющих антропоморфный облик (рис. 8) [Handbook..., 1984; Hansen, Meldgaard, Nordqvist, 1991, fig. 40].

Многочисленные фотографии представителей коренного населения Гренландии (рис. 9), а также женские персонажи, воплощенные в местной резьбе по кости и дереву, позволяют провести параллели между формой прически в виде собранных пучком волос в искусстве эскимосов Гренландии,

Рис. 9. Фотографии и зарисовки, изображающие эскимосских женщин с характерными прическами (по: [Handbook..., 1984; Hansen, Meldgaard, Nordqvist, 1991]).

в европейских источниках, изображающих эскимосов-инулитов, с прическами чукотских антропоморфных изображений на скалах Пегтымеля. В то же время разница в костюме не позволяют безоговорочно поставить знак равенства между изображениями эскимосских женщин и детализированными многоярусными вариантами трактовки пегтымельских антропоморфов. Костюм антропоморфных персонажей с «грибообразной» прической/головным убором в петроглифах Пегтымеля в большей степени позволяет соотносить его с традиционной чукотской, а не эскимосской женской одеждой.

Другой дискуссионный вопрос, не раз поднимавшийся в петроглифоведении, связан с анализом личин-масок в контексте проблемы трансатлантических контактов, миграций, заимствований и возможных механизмов трансляции идей. Основа этой темы была заложена А.П. Окладниковым, обозначившим трансокеанские параллели петроглифам нижнего Амура [1971, 1977]. Тема плодотворно разрабатывалась и в дальнейшем [Окладникова, 1981; Дэвлет М.А., 1997], однако в анализе генезиса личин было высказано немало неподкрепленных материалом соображений, когда более поздние изобразительные традиции рассматривались в качестве прототипа древним личинам

Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Это в особенности относится к соображению о генезисе изобразительной традиции тлинкитов, для которой свойственна осевая симметрия и развертка изображений из характерного для петроглифов Амура и Уссури мотива личин с сердцевидным абрисом. Действительно, в материалах Сикачи-Аляна, Шереметьева и Кии представлены многообразные варианты проработки личин, и их число возрастает в результате исследований последних лет, когда были обнаружены новые варианты [Дэвлет Е.Г., Ласкин, 2014; Ласкин, 2007; Ласкин, Дэвлет Е.Г., 2013]. Значительный новый массив информации также выявлен на Аляске и Северо-Западном побережье Америки (рис. 10, 1, 2; 11). Подробное исследование петроглифов северо-запада Америки представлено в работах Д. Лунди [Lundy, 1983], которая разделила их на три периода. Аргументированное уточнение хронологии сделано в публикации Дж. Кейзера и Дж. Потшата [Keyser, Poetschat, 2012].

Рис. 10. Череповидные личины. 1, 2 – петроглифы Сикачи-Аляна (фото И. Георгиевского); 3–9 – изображения бога смерти, каменные рельефы, архитектурные детали и маски, Гватемала (Музей археологии и этнологии, Музей Пополь-Вух, Гватемала, фото автора).

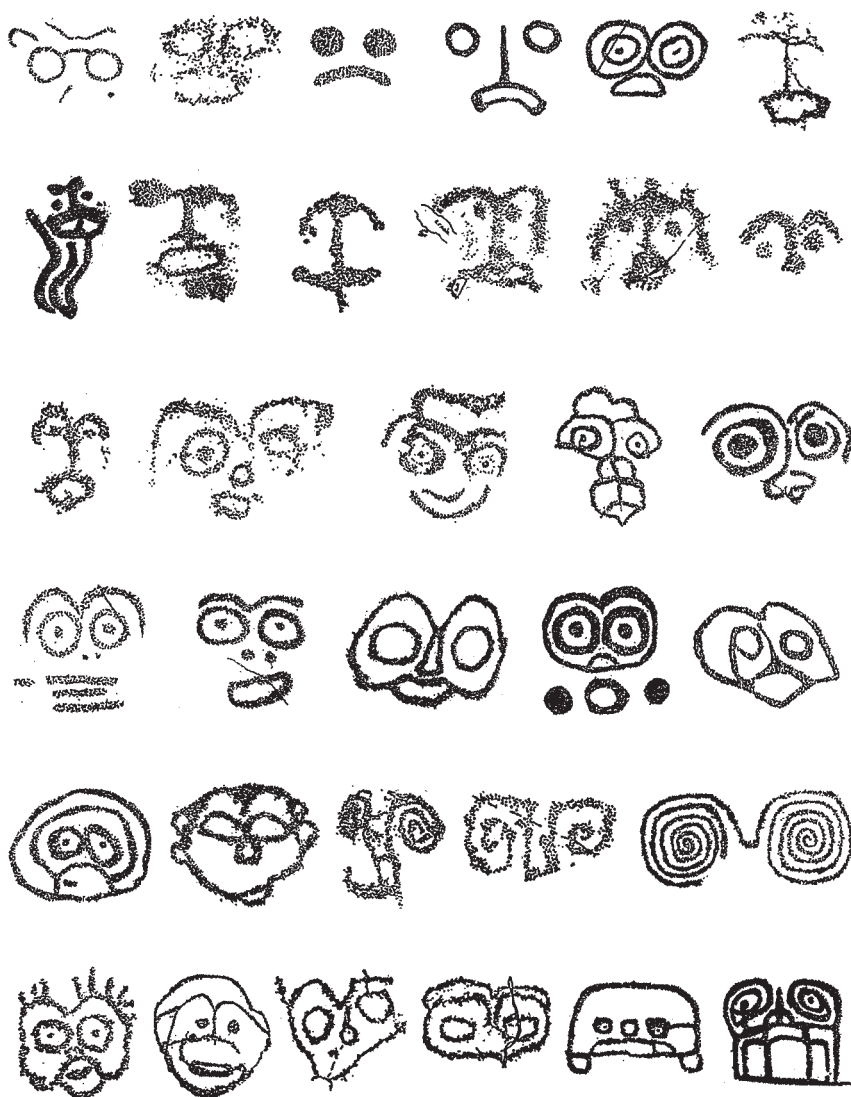

Рис. 11. Варианты личин-масок в наскальном искусстве Аляски.

Следует отметить, что большинство изображений личин-масок на скалах Аляски относятся к несопоставимо более позднему времени, чем сибирские, центральноазиатские и дальневосточные петроглифы и росписи. Предположительно, личины с неполным абрисом появляются на рубеже нашей эры и существуют в разных вариантах до середины II тыс., далее сменяясь вариантами с контуром, контуром с лучами, перьями и пр. Сердцевидное оформление «надбровной» части характерно как для личин с незавершенным, так и с замкнутым контуром, их бытование приписывается широкому временному диапазону в пределах I тыс. н.э.

Один из популярных вариантов дальневосточных петроглифов представлен череповидными личинами, аналогии им известны в Центральной Азии, Китае. Полагаю, что мотив смерти, воплощаемый в череповидных личинах, является одним из универсальных, свойственных как первобытному символизму, так и изобразительной традиции ранних вождеств и цивилизаций. Трансокеанские аналогии не исчерпываются лишь подробно рассмотренными Е.А. Окладниковой наскальными изображениями и череповидными мотивами, которыми декорированы культовые предметы в этнографических коллекциях тлинкитов и других народов северо-запада [1979]. Например, в Центральной Америке устойчивые сходные черты имели рельефы, представлявшие бога смерти, изображавшегося в виде черепа (рис. 10, 3–9). Подобные изображения относятся преимущественно к позднему классическому и раннему пост-классическому периодам, т.е. к интервалу с VII до середины XIII в.

Список литературы

- Богораз-Тан В.Г.** Чукчи. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – Ч. II: Религия. – 196 с.
- Диков Н.Н.** Наскальные загадки древней Чукотки: Петроглифы Пегтымеля. – М.: Наука, 1971. – 131 с.
- Дэвлет Е.Г.** К вопросу о технико-технологических особенностях петроглифов Пегтымеля // РА. – 2014а. – № 3. – С. 66–78.
- Дэвлет Е.Г.** О работах по археологическому изучению наскального искусства Чукотки // Тр. Отд-ния ист.-филол. наук РАН 2008–2013. – М.: Наука, 2014б. – С. 315–344.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А.** Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М.: Алетея, 2005. – 472 с.

Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. К изучению петроглифов Амура и Усури // КСИА. – 2014. – Вып. 232. – С. 8–31.

Дэвлет Е.Г., Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новейшие полевые исследования петроглифов Чукотки // Вестн. РГНФ. – 2009. – № 3 (56). – С. 213–223.

Дэвлет М.А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура, искусство, антропология. – СПб., 1997. – С. 240–250.

Дэвлет М.А. Об изображениях человечков в грибовидных головных уборах в наскальном искусстве Центральной Азии // Центральная Азия и Южная Сибирь. Альманах I. – М.: ИА РАН, 2009. – С. 139–150.

Дэвлет М.А. Человек и его место в системе мироздания (по материалам петроглифов бассейна верхнего Енисея) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 3–34. – (Тр. САИПИ; вып. IX).

Кирьяк М.А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. – 283 с.

Ласкин А.Р. Перспективы дальнейшего изучения и сохранения петроглифов Сикачи-Аляна // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 2. – С. 136–143.

Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г. Новые петроглифы на реке Усури в Хабаровском крае // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2013. – Вып. 4 (42). – С. 209–216.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 329 с.

Окладников А.П. Взаимодействие древних культур Тихого океана (на материалах петроглифов) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука, 1977. – С. 41–49.

Окладникова Е.А. Загадочные личины Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1979. – 168 с.

Окладникова Е.А. Писаницы тихоокеанского побережья Северной Америки и Сибири // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. – М.: Наука, 1981. – С. 82–97.

Питулько В.В. Пегтымельские петроглифы: датировка и события // II Диковские чтения: мат-лы конф. – Магадан: Изд-во ДВО РАН, 2002. – С. 408–415.

Симченко Ю.Б. Обычная шаманская жизнь. Этнографические очерки. – М.: Центр прикладной этнографии ИЭА РАН, 1993. – 316 с. – (Рос. этнограф; вып. 7).

Devlet E. Rock Art Studies in Northern Russia and the Far East, 2000–2004 // Rock Art Studies. News of the World III. – Oxbow, UK, 2008. – P. 120–137.

Devlet E. Rock Art Studies in Northern Russia // Rock Art Studies. News of the World IV. – Oxbow, 2012. – P. 124–148.

Handbook of the North American Indians. Washington: Smithsonian Institution, 1984. – Vol. 5: Arctic. – 845 p.

Hansen J., Meldgaard J., Nordqvist J. The Greenland mummies. – L.: British Museum Publication, 1991. – 120 p.

Kaalund B. The Art of Greenland. – Berkeley: Univ. of California. Press, 1979. – 205 p.

Keyser J.D., Poetschat G. Clan Crests and Shamans' Masks: Petroglyphs in Southeast Alaska. – Portland: Indigenous Cultures Preservation., 2012. – 96 p.

Lundy D. Styles of Coastal Rock Art // Indian Art Tradition of the Northwest Coast / ed. R.L. Carlson. – Burnaby: Archaeology Press, Simon Fraser Univ., 1983. – P. 89–97.

Malaurie J. Les derniers Rois de Thulé. – Paris: Plon, 1955. – 330 p.

Mathiassen T. Contribution to the Archeology of Disko Bay. – København: C.A. Reitzel, 1934. – 192 S. – (Meddelelser om Grønland; Bd. 93, N. 2).

Olearius A. Gottorffische Kunst-Cammer. Worinnen Allerhand ungemeyne Sachen. So theils die Natur theils künstliche Hände hervor gebracht und bereitet. Vor diesem Aus allen vier Theilen der Welt zusammen getragen. – Schließwig: Holwein, 1666. – URL.: <http://diglib.hab.de/drucke/24-1-2-phys/start.htm>.

Swinton G. Sculpture of the Eskimo. – L.: C. Hurst & Co, 1972. – 251 p.